

ОТВЕТ «БИРЖЕВЫМ ВЕДОМОСТЯМ»

Публикация В. Пу т и н ц е в а

Весной 1869 г. реакционная «Kölnische Zeitung» (№ 67, от 8 марта) и ряд других газет распространили вздорные слухи, будто Герцен ведет со священником русского посольства в Вене Раевским переговоры о возможности возвращения в Россию. Слухи были немедленно подхвачены всей русской официозной, консервативной и либеральной печатью.

Ссылаясь на сообщение своего варшавского корреспондента, сделанное, в свою очередь, «со слов газеты „Славянин“», «Биржевые ведомости» в № 44 за 1869 г. поспешили объявить читателям: «Некоторые данные оставляют очень мало сомнений, что г. Герцен решился принести повинную и будет просить позволения возвратиться в отечество». Газета добавляла, что если Герцену (а также и Огареву) «не будет оказано этой милости, то он будет ходатайствовать о даровании ее хотя одним его детям, неповинным в отцовских увлечениях», и т. д. Сенсационные сообщения «Биржевых ведомостей» перепечатали и другие газеты: «Санктпетербургские ведомости», «Голос», «Новое время»; последняя — с рядом дополнительных измышлений. «Что я им за Кельсиев II достался! — с возмущением восклицал Герцен в письме к Тургеневу от 14 марта 1869 г.—Разумеется, я в Россию ехать хочу и когда можно будет туда ехать без каудинских фурукул, поеду, но в Вене я не был, ни Краевского, ни Раевского, ни Евского не просил. Откуда это?» (XXI, 324). «Это — целая интрига, — писал Герцен в тот же день Огареву. — Без ответа оставить нельзя» (XXI, 321), — и 14 же марта он послал в редакцию «Биржевых ведомостей» этот ответ (см. XXI, 333—334). Письмо Герцена, попавшее в перлюстрацию и затем врученное редакции «Биржевых ведомостей» через III Отделение, было напечатано в № 71 газеты, но в сопровождении такого клеветнического «комментария», что Герцен был вынужден снова отвечать — на этот раз письмом в редакцию «Голоса». «„Биржевые ведомости“, — писал Герцен, — поместив мое письмо в 71-м №, перетолковывают смысл моих слов... Я не стал бы писать об этом, но не могу же я оставить читателей в мысли, что я „Биржевые ведомости“ принимаю за государственный институт и ходатайствую через них о праве возвращения» (XXI, 366).

Письмо в редакцию «Голоса» Герцен направил 7 апреля 1869 г., а на следующий день, 8 апреля, он писал Огареву: «Чудеса да и только: через час после отправления письма и „Бирж(евых) вед(омостей)“ я получил 73 № той же газеты, там статья колони в 5 ругательств à mon adresse *. Это уж за то, что я не возвращаюсь; между прочим, они говорят, что моему сыну не было препятствий ехать в Россию и что русское правительство не мстит детям за преступление отца, доказательством тому — что оно сохранило мое имение. Далее я представлен каким-то безумным диктатором и шутком. Заметь, что я ничем не вызвал со стороны „Бирж(евых) вед(омостей)“ этих статей. Вчера (по несчастью, до получения 73 №) я писал в редакцию „Голоса“ несколько сухих строк с просьбой поместить. Придется писать длинный ответ» (XXI, 358). 16 апреля Герцен сообщал Огареву, что «статья против „Бирж(евых) вед(омостей)“» он начал (XXI, 366). Был ли ответ «Биржевым ведомостям» (третий по счету) послан — в редакцию «Голоса» или «Биржевых ведомостей» — остается неизвестным.

* по моему адресу (франц.).

В Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится конец этой статьи-ответа, опубликованный в издании Лемке с некоторыми неточно стями и искажениями (XXI, 391—392). В «пражской коллекции» нами обнаружено начало той же статьи, еще не воспроизводившееся в печати.

В рукописи второй части своего ответа Герцен обозначил латинскими буквами «В» и «С» места для предполагаемых цитат из статьи «Биржевых ведомостей». Совершенно очевидно, что Герцен собирался включить в статью еще одну цитату, первую по счету, под буквой «А». Место для цитаты «А» не обозначено в рукописи, но легко определяется по контексту. Цитата «А», несомненно, должна была быть приведена после слов, на которых обрывается рукопись «пражской коллекции»: «Теперь послушаемте биржевого соловья», — и служить соединительным звеном между текстом первой (рукопись «пражской коллекции») и второй (рукопись Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина) частей. Таким образом, статья-ответ Герцена «Биржевым ведомостям» реконструируется нами, вероятно, полностью.

«ДВЕ ЧЕРТЫ ПОСТОЯННО СОПРОВОЖДАЮТ ПОСТЫДНУЮ РЕЛИГИЮ ХОЛОПСТВА...»

Две черты постоянно сопровождают по(стыд)ную * религию холопства и придают ей тот дорогой характер преданного лакея, который исчезает в «людской» и передней — и, как феникс, возрождается в нашей задней и нелюдской литературе.

Одна черта состоит во всяческой клевете и во всяческой брани против человека, на которого барин гневается. Другая — в укрывательстве барских проделок, домашних гадостей и семейных грешков. Конечно, это укрывательство иногда, как изорванный халат, больше открывает **, чем закрывает, но усердие все же велико.

Спохватившись в своей нелепой ошибке, в силу которой «Бирж(евые) в(едомости)» перетолковали смысл моих слов, — они, отдохнувши сутки, с новым остервечением впились «в» меня и на этот раз рассказали в 73 № всю мою жизнь — освещенную сальным огарком передней. Мы покажем на двух-трех примерах их любовь к истине, и вместе с тем и на источники, из которых они черпают свои вдохновения.

Замечу мимоходом, что мне поневоле придется говорить о себе и о моем прошедшем и о моем сыне — и меня опять за это обвинят простые духом. Но ведь и от собак человек защищает себя — и это вовсе не из самолюбия, а потому что собаки кусают его икры и рвут его панталоны...

Теперь послушаемте биржевого соловья: || ¹

«Рожденный в эпоху нашествия французов на Россию, г. Герцен созрел для действия в ту пору, когда слово в России было скवानо и за какие-нибудь задирательные стишки или за шаловливую песенку людей посылали в ссылку, как за государственное или криминальное преступление. Раз г. Герцен, подкутив с товарищами на какой-то пирушке, спел весьма глупую песенку, впоследствии напечатанную им в одной из книжек его „Полярной звезды“. За это пение г. Герцена в числе прочих взяли на съезжую, а потом послали в Вятку, где он служил у местного губернатора, был членом губернского общества, мечтал в огромном саду своей квартиры о своем будущем величии и не без успеха ухаживал за дамами, а потом назвал всю эту эпоху своей жизни эпохой „тюрьмы и ссылки“ и, поставив в Лондоне печатный русский станок, сочинил обо всем этом иеремиаду, которая пробралась контрабандным путем в Россию и имела здесь свой успех.»

Каким же образом мой биограф, так пристально читая «Былое и думы», что не забыл ни вятских дел, ни сад при квартире, игнорирует, что я

* Читается предположительно: угол листа оторван.

** На что уж наторелый дока, проведший полжизни в тайной полиции, неграф Тимашов... а посмотрит(е), как он защищает барские порядки. — Примеч. Герцена.

никогда, ни на какой пирушке, не пел, подгулявши, никакой песни. И что дело студенческого праздника, устроенного подлым агентом неблагородного правительства Скареткой, была полицейская ловушка, на которую мы не попались и все-таки были сосланы. Я протестовал против этой лжи в присутствии всей комиссии, судившей нас. — Все это очень неважно, давно забыто, но не могло быть неизвестно человеку, принявшемуся рассказывать в карикатуре мою жизнь. На каком основании биограф или следопроизводитель поверил больше полицейской версии, чем моей? Не потому ли, что он с полицией дружнее, чем со мной?

Затем, после преувеличенной картины влияния лондонского станка*², страпчий правительства продолжает³:

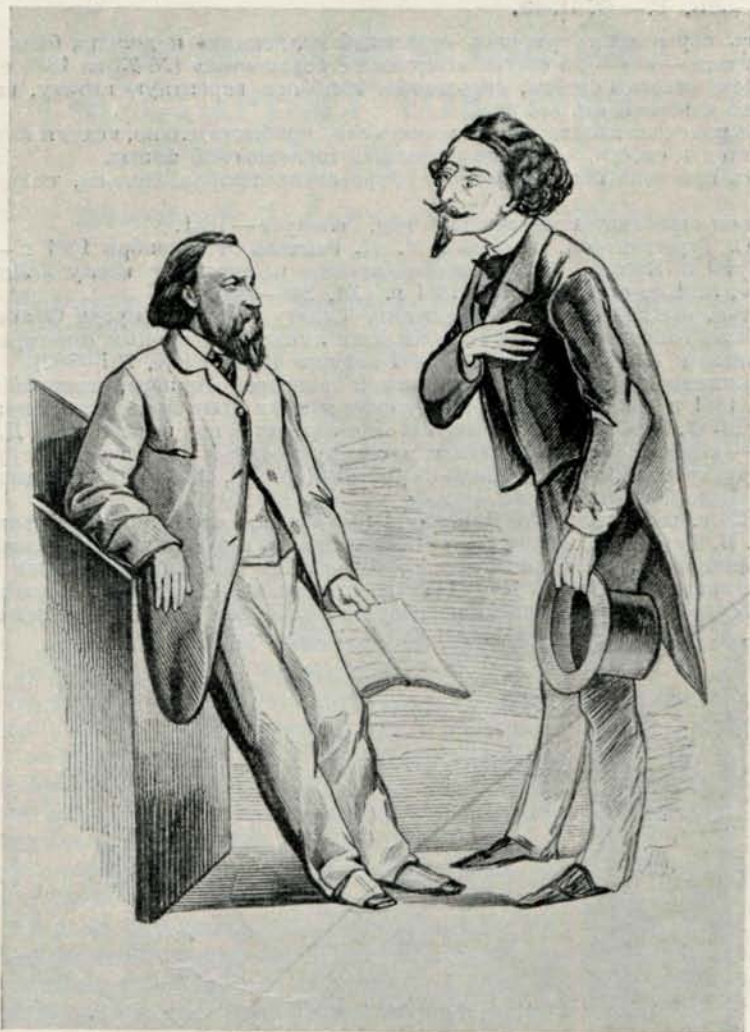
«Наконец, все это заключилось новою колоссальнейшею глупостию: кто-то, вероятно какой-нибудь полячок, — так как они большие охотники распускать ложные слухи, — сообщил г. Герцену, что в Лондоне проживают русские агенты, имеющие поручение похитить его, г. Герцена, на улице, „как Прозерпину“, и увезть в Россию. Г-ну Герцену, издавна приучившемуся считать себя немаловажным человеком в мире вообще и в русском в особенности, не показалось в этом ничего невероятного, и он сделался игролищем самой пошлой шутки. Он всё это напечатал бестрепетною рукою и в азартнейшем духе начал грозить, что государь будет отвечать „за каждый волос“ г. Герцена „перед целою Европою“».

Приходится опять рассказать, как было дело и какой «полячок» подшутил надо мной.

Я несколько раз получал ругательные письма, всякий раз без подписи, но с угрозами. Я их бросал. Но в <18>59 году⁴ случилось вот что. Утром мне принесли письмо из Петербурга, посланное через Бел(ь)гию. В нем мне советовали быть осторожным, не выезжать из Англии и говорили, что Шувалов хочет, во что бы то ни стало, уничтожить нашу прессу или меня, хотя бы для этого пришлось убить меня и пр. Мне надобно было повидаться в тот день с лионским Ротшильдом; выходя из его кабинета, я вверху встретил его секретаря Кестнера — он мне сказал, что на мое имя им получено письмо и что оно лежит на камине. Я возвратился, взял письмо и, раскрыв, увидел слово в слово такую же записку. Я подал ее Ротшильду и попросил его прочесть, прибавляя, на всякий случай, что я буду очень благодарен, если он подтвердит, что только что я получил у него в кабинете и при нем распечатал. При этом я ему показал и другое письмо, полученное утром, — оба были писаны по-французски. Дня через три один из наиболее уважаемых людей в России⁵ — надеюсь, что читатель не сделает надо мной шалости и не спросит имени и поверит моему слову, — сообщил мне то же и добавлял, что не мешало бы взять свои меры против какой-нибудь скандальной попытки. Последнее мне показалось вероятнее, чем угроза убить из-за угла: при мне были примеры подобной расправы между французами. Чтоб кончить разом эти полицейские забавы, я написал шуточное письмо к Бруннову⁶. Смех был не со стороны моих противников. Это письмо, как прежде мое письмо к франкфуртскому сенату⁷, было перепечатано в десяти журналах. Ему придали такую важность, что Шедо-Ферроти взмог в роль Бруннова и печатно отвечал мне. Его ответ позволили продавать в России⁸.

* «Одно время в административных сферах просто боялись Герцена. Быть обличенным в „Колоколе“ почиталось ужасным несчастьем не только для „рядового“ человека, но даже для губернаторов, директоров департаментов и других высших чинов. Происходили вещи необъяснимые в администрации: ненавидели г. Герцена, не уважали его — и его слушались. Известны случаи, что люди через одно недружелюбное слово, сказанное о них Герценом, утрачивали свою репутацию и теряли карьеру. Власть Герцена все усиливалась и усиливалась наперекор всякой логике...» — «Бирж. вед.».

«Биржевые ведомости», воспользовавшиеся очень любезно моей шуткой о «Прозерпине», странным образом не знают вовсе никаких отечественных традиций, ни то, как поступали с детьми великих мучеников, как Трубецкие, Ивашевы и пр., ни то, до чего доходили посягательства наших

КАРИКАТУРА НА ВЫСТУПЛЕНИЯ РУССКОЙ АНТИДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ПРОТИВ ГЕРЦЕНА («РАЗВЛЕЧЕНЬЕ», № 28 ОТ 11 ИЮЛЯ 1862 г.)

Рисунок А. Юшанова

Под карикатурой подпись: «Вы на меня не сердитесь, Александр Иванович, я сй-ей уважаю вас от всего сердца и считаю за честного человека, а что вот теперь говорю против вас, так это только из одного коммерческого расчета: вы знаете—своя рубашка к телу ближе...»

дипломатических агентов и шпионов *in partibus* *. Испытав страшнейшее оскорбление от английского министерства по случаю просьбы о выдаче Н. И. Тургенева, они старались его увезти, если не как Прозерпину, то как княжну Тараканову или как Войнарковского ⁹.

* в чужих странах (лат.).

Кстати, к детям наших мучеников. Вот в каком девственном неведении живут «Биржевые ведомости». Неведение это очень мило, но тогда надобно называться Ведомостями Смольного монастыря или Троицко-Сергиевской Лавры, а не Биржевыми.

Автограф. До знака ¶ — ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 20, л. 76; после знака ¶ — ЛБ. Г.—О. II, 12.

¹ Здесь обрывается рукопись «пражской коллекции» и должна быть приведена первая цитата — «А» — из статьи «Биржевых ведомостей» (№ 73 за 1869 г.). Исходя из контекста ответа Герцена, определяем наиболее вероятную цитату, намеченную им для его ответной статьи.

² Здесь помечена цитата «В»; она определена приблизительно, исходя из контекста, и приводится в сноске, чтобы не разрывать герценовской фразы.

³ Здесь помечена цитата «С»; она определена приблизительно, исходя из контекста.

⁴ Герцен ошибочно называет 1859 год, следует — 1861.

⁵ И. С. Тургенев (см. письмо к М. К. Рейхель от 3 ноября 1861 г. — XI, 275).

⁶ «Бруты и Кассии III Отделения (письмо к русскому послу в Лондоне). — «Колокол», л. 109, от 15 октября 1861 г. (XI, 248—249).

⁷ Статья, озаглавленная «Знаменитому Сенату вольного города Франкфурта-на-Майне», была напечатана в 1858 г. отдельным листом, посланным сенаторам и затем приложенным к «Колоколу», л. 20, от 1 августа 1858 г. (IX, 291—302).

⁸ Речь идет об известной клеветнической брошюре о Герцене, изданной в Берлине в декабре 1861 г. на русском и французском языках агентом III Отделения в Брюсселе бароном Ф. И. Фирсом, скрывшим свое авторство под псевдонимом Д. К. Шедо-Ферроти — «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти» (ср. XI, 284—302). См. ниже письмо Герцена к Шедо-Ферроти.

⁹ В 1826 г. правительство Николая I потребовало от английского правительства выдачи Н. И. Тургенева, но получило отказ. Однако в русских общественных кругах распространились слухи о том, будто Тургенев тайно похищен и привезен в Россию. Пушкин в письме от 14 августа 1826 г. спрашивал Вяземского: «Правда ли, что Николая Т<ургенева> привезли на корабле в П<етербург>?» (А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. XIII. М.—Л., изд. АН СССР, 1937, стр. 291).